

Болгарина Э.Л.,
заведующая отделом «Литературы мира»
Национальной библиотеки Республики Молдова,
Кишинев, Республика Молдова

Антропология памяти: уездной барышни альбом (1912 – 1918)

Антропология памяти — это эффективное средство коммуникации между поколениями. Примером может послужить впервые изученный и описанный в данной статье документ – рукописный «девичий» альбом начала XX века (1912-1918 гг.), принадлежавший прабабушке автора, Зинаиде Григорьевне Матюрниковой (1894-1921), проживавшей в Кишиневе, в то время столице Бессарабской губернии Российской империи. Источник вызывает не просто сильный эмоциональный отклик. Это пример продуманного комплексного документа, где образными средствами (лирика и тексты песен) изложена концепция переживаний молодой девушки на переломном этапе ее жизни, глубоко понятная современному, особенно молодому, читателю. Документ представляет немалый исторический интерес, содержит массу полезных сведений о круге чтения (проза и поэзия) образованной молодежи того времени и их музыкальном кругозоре (списки песен и аккомпанементов для гитары).

Ключевые слова: *З.Г. Матюрникова, рукописный альбом, исторический источник, начало XX века, Бессарабия, Российская империя.*

Bolgarina E.L.,
Head of the World Literature Section,
National Library of the Republic of Moldova,
Chişinău, Republic of Moldova

Anthropology of Memory: Such album of provincial girl (1912 - 1918)

Anthropology of memory is an effective means of communication between generations. An example of it serves the source in review, studied and described for the first time. A handwritten album of a young lady (1912-1918) belonged to grandgrandmother of the author, Zinaida Grigorievna Matiurnikova (1894-1921), who lived in Kishinev, the capital of Bessarabian Province, Russian Empire. This source not just creates a strong emotional response. In this example of thoughtful complex document, the concept of soul feelings of a young girl is described by figurative means, which are lyrics and texts of the popular songs of the time. This concept might be easily accessible and clear for contemporary readers, especially of the same young age. The document presents interest from the historical point of view, including information on reading lists (prose and poetry) of the educated youth of that time, as well as of their musical preferences (songs and guitar accompaniments).

Keywords: Z.G. Matiurnikova, handwritten album, historical source, early XX century, Bessarabia, Russian Empire.

*«Конечно, вы не раз видали
Уездной барышни альбом,
Что все подружки измарали
С конца, с начала и кругом» ...
«Сюда, назло правописанью,
Стихи без меры, по преданью
В знак дружбы верной внесены,
Уменьшены, продолжены».*

Так, со снисходительной улыбкой гения, великий русский поэт А.С. Пушкин запечатлел в своем романе в стихах «Евгений Онегин» один из элементов «жизни во всей ее прозаической действительности», а именно, рукописный «девичий» альбом на заре его появления в российском культурном пространстве. «Альбом молодой барышни» как явление повседневной жизни представительниц образованного класса Российской империи пережил период своего цветения на протяжении всего XIX века, широко распространился, перешел из дворянских кругов в иные – мещанские, разночинные – слои общества. Он претерпел и сущностные трансформации, пройдя путь от простого копирования стихотворений или их фрагментов и лёгких записей с рисунками до сложного и комплексного документа, своего рода интимного дневника владелицы.

В данной статье я хочу представить образчик этой «ушедшей природы», выросший во втором десятилетии XX века на нашей бессарабской почве. Речь идет о раритете из семейного архива – альбоме моей прабабушки. Его я раньше не изучала, и так случилось, что лишь пандемия весны 2020 года, карантин и тревога не успеть что-то важное побудили меня, наконец, обратиться к этому документу... и поразиться открывшейся в нём глубине и смыслу.

Сначала несколько слов о прабабушке. Зинаида Григорьевна Матюрникова (1894-1921) родилась и выросла в Чимишлии, в конце XIX века это было местечко Бендерского уезда Бессарабской губернии. В юности проживала и в Кишиневе. Была дворянкой, видимо, сильно обедневшей. О её родных по сути ничего не известно: на сохранившейся в нашей семье серебряной утвари присутствуют вензеля с инициалами ее родителей: «Е» и «Г» (о них вообще никаких упоминаний – вероятнее всего, умерли раньше описываемого нами периода), а адресная запись в её альбоме свидетельствует о том, что у Зинаиды был брат, А.Г. Матюрников, проживавший в Чимишлии.

Почти все главные чувства, мысли, переживания Зинаиды Матюрниковой были связаны с местом её детства и юности. Потом был недолгий, но важный период жизни в Кишиневе. В возрасте двадцати лет она окончательно переехала в столицу Бессарабии по состоянию здоровья: у нее был туберкулез, и надо было

проходить лечение в хорошо для своего времени оснащенной земской больнице. В то время в больнице работал санитаром Емельян Федорович Романюк (1894-1972), ее будущий муж. Семейное предание закрепило тот факт, что они были соседями по двору на Кировской улице, где Зинаида Григорьевна жила вместе со своей бабушкой. Где-то там они и познакомились, в больнице или по соседству, понравились друг другу – они были одногодки, ровесники, оба красивые и молодые – и поженились в 1918 году. Весной 1919 года у них родилась дочь Ольга. Увы, семейная жизнь длилась совсем недолго. Уже через два с половиной года после рождения дочери, 28 сентября 1921 года, на двадцать восьмом году жизни прабабушка Зина умерла от туберкулеза и была похоронена на Центральном кладбище Кишинева. Иных документальных сведений о З.Г. Матюрниковой у меня нет.

Блокнот с ее записями 1912-1918 гг. бережно сохранялся во второй семье прадеда Емельяна на протяжении многих десятилетий. Моя бабушка Ольга Емельяновна передала его нам в 70-е годы прошлого века. Страшно подумать, сколько лет он был в моих руках и ждал своего часа... Но могу объяснить – лишь теперь я созрела для того, чтобы вчитаться в этот документ и попробовать поделиться некоторыми своими соображениями, насколько это будет возможно для библиотекаря, не текстолога, не историка культуры. Надеюсь, то обстоятельство, что сейчас я в три раза старше моей юной прабабушки на момент создания ее альбома, лишь прибавит мне разумности и здравого смысла.

Рукописный альбом как уникальный источник женской ментальности начала XX века

В отличие от упомянутого выше, воспетого Пушкиным альбома легкомысленной Ольги Лариной, который для нее усердно заполнял записями и рисунками влюбленный поэт Владимир Ленский, презентуемый нами раритет абсолютно авторский и отражает внутренний мир своей владелицы. Недаром Зинаида Матюрникова дважды аккуратно вывела свое имя на титульном листе.

Этот документ создавался одним человеком в большой сосредоточенности. Он был тем безусловным собеседником, которому З.Г. Матюрникова поверяла свои мысли, чаще всего посредством иносказательной и образной формы готовых стихотворений, которые подходили ей по строю чувств в конкретный временной момент. Ее дневниковые записи присутствуют, но их немного, они содержательны, но не до «самокопания», чем так часто грешат дневники. Соблюдены характерные признаки альбомного жанра как светского документа – здесь много стихов, которые записаны старательным почерком, чуть-чуть рисунков, присутствуют записи других людей и «посвящения». То есть перед нами нечто среднее между альбомом (который по условиям жанра всегда делался напоказ, для просмотра и изучения его другими людьми) и дневником (интимнейшим документом). Если его автору, Зинаиде, хотелось рассказать о чем-то личном, она предпочитала иносказание (через поэзию) или сдержанное высказывание в границах хорошего тона и размещала свои записи на страницах графически красиво. Поэтому, касаясь формы документа и давая ему характеристику, предложу остановиться на «альбоме».

Я упомянула в самом начале о давно «ушедшей натуре» альбомов как характерного для взрослого женского населения элемента массовой культуры XIX века, оставшегося типичным для Бессарабии, в лучшем случае, еще в первой трети XX столетия. Для того чтобы сделать это явление чуть более понятным сегодняшнему читателю, хочу напомнить о его отголосках и параллелях, которые выдалось застать и нам. Мы стали свидетелями заката альбомного жанра, когда произошел сдвиг в сторону резкого снижения возраста людей, кому этот жанр мог бы быть интересен, и в разы уменьшилась его серьезность. Вспоминаются самодельные альбомы школьников младших и средних классов, заполненные рисунками и аппликациями, вырезанными из молодежных журналов (их требовали заводить на уроках домоводства в советской школе в 70-е годы XX века), а также примыкающие к ним рукописные и вручную иллюстрированные песенники (списки любимых песен) девочек того же возраста. Они, возможно, и представляли вкусы своих владелиц, но зеркало, составленное из портретов фотомоделей из цветных журналов как инструмент самопрезентации, было, безусловно, несколько кривоватое. Существовал на нашей памяти еще один, маскулинный, пример – «дембельский альбом», т.е. парадный выпускной фотоальбом демобилизовавшихся из армии молодых людей. Как форма, он жив и поныне. По своей сути, он фиксирует точечный, важный, но крайне ограниченный во времени момент из жизни двадцатилетнего юноши – его увольнение из армии, характеризуя его как часть армейского сообщества, как героя в глазах домашних и семьи и, похоже, не преследует более общей цели.

Тогда как предлагаемый нами к рассмотрению альбом, документ почти столетней давности, решает универсальную задачу – раскрыть многогранную личность своего автора.

Размышляя о содержании альбома, пытаюсь определить в нескольких словах его сущность – всё же это единственный документ, оставшийся нам от прабабушки, – я хочу предложить тезис. В основе почти каждого лирического произведения чаще всего лежит предыдущий эмоциональный опыт или потрясение. Оно не дает человеку покоя и побуждает запечатлеть происшедшее с ним, взяться за перо или кисть и излить накопившиеся чувства доступными образными средствами. Сильное эмоциональное переживание – почва, из которой вырастает литература. Не без основания я рассматриваю рукописный альбом моей прабабушки как некое цельное произведение, отражающее её внутренний мир на этапе, когда возникла потребность высказаться, а инструментом стал альбом – он же записная книжка, песенник и интимный дневник Зинаиды Матюрниковой в тот период, когда ей было 18 - 23 года. Постараюсь раскрыть эту мысль.

Изучив альбом полностью, я увидела, что внутренним мотивом для Зинаиды начать вести альбом стало расставание с любимым человеком. Вероятнее всего, имел место «его» отъезд по каким-то причинам, а потом началась Первая мировая война, неизбежная мобилизация и движение войск, прекращение свободного перемещения. Расстояния становились

непреодолимыми, пропасть «между ними» ширилась. Однако это *неокончателное* расставание, не зафиксированное как факт, давало «ей» томительную и сильную надежду на новую встречу. По сути, прослеживается след двух мужчин, одного мы знаем по имени, Илюша, а у второго сохранились инициалы, В.М. Этой болью разлуки и надеждой Зинаида живет целых *шесть* лет, и это значительный временной период, учитывая ее юный возраст. Любовь и разлука – лейтмотив документа, тема, к которой она возвращается вновь и вновь по ходу заполнения своего альбома. Инструментарием стал накопленный культурный багаж образованной молодой женщины того времени – русская классическая поэзия, городской романс, народная песня, а также собственные стихи, может быть, не самые блестящие, но с искренним и узнаваемым звучанием. Весь свод поэтических и песенных произведений, чужих и своих, расположенных в том порядке, как душе Зинаиды было угодно, раскрывал с разных сторон глубоко личное чувство автора. Которое развивалось во времени, по дуге – от «свежей раны», сильного взлета надежд и ожидания встречи, до понимания, что «счастью не быть».

Исследовав подборку текстов из альбома прабабушки Зины, я обнаружила большое количество первоисточников, записанных целиком или частично, плюс собственные стихи как точный камертон ее настроений. Попробуем в них разобраться и на их основе понять, что было ей свойственно и органично, и каким образом наработанный культурный багаж работал на создание «слепок её души». И не забудем, разумеется, что как в любом «альбоме» – образчике пестрого, лоскутного жанра, здесь присутствует много всего разного, говорящего о времени и обстоятельствах, в которых выдалось жить, о бедах, с которыми пришлось бороться... Проследим документ с начала и до конца. В цитируемых фрагментах авторская орфография и пунктуация сохранены.

Альбом простой и сердцу милый

Выглядит наш раритет совсем не помпезно, узкий, помещающийся в ладони, в коленкоровом бежевом переплете, на глянцевой линованной бумаге. Зинаида вела свои записи преимущественно простым карандашом, что говорит о глубоко личном и спонтанном характере этих записок. Обращает на себя внимание конспективность и краткость некоторых цитат (предполагается – я всегда пойму свою идею!). Но есть и записи других людей – всё же в альбом молодой красивой девушки должны были писать хотя бы те немногие, которым она доверяла. Они преимущественно делались чернилами.

Еще одна особенность источника заключается в том, что мы видим два образца почерка – самой Зины и другого человека, женщины (подруги или бабушки?), которая записывала ряд галантерейно-мануфактурных покупок. Хозяйственные заметки и денежные расчеты делала и сама Зина, в чем мы тотчас же убедимся.

Структура альбома, начатого 26 января 1912 года:

Условная I часть:

1. Списки книг для чтения
2. Тексты стихотворений, песен и романсов для души

3. Личные записи

II часть:

1. Адреса молодых людей – военных из действующей армии, студентов; списки имен знакомых, людей с общими интересами, однокашников, и тому подобное, вписанные разными почерками.

2. Списки имеющихся или желаемых нот и аккомпанементов для гитары, написанные Зиной.

3. Хозяйственные записи.

Между двумя половинами документа находится ряд незаполненных страниц. Часть страниц вырваны/вырезаны, часть записей зачеркнута. В I части заполнено 27 разворотов страниц, во II – 23 разворота страниц. Части заполнялись последовательно.

Как мы увидели, альбом был начат 26 января 1912 года, и в этот же день Зинаида сделала хозяйственную заметку «на память» вверху самой последней страницы: «Даниилу Жесу дано 6 р. 40 к. по 27 января». Вернул ли Даниил эти деньги?

Вчерашняя «гимназистка»

А открывается альбом совсем неожиданно, по-детски – с загадок! Возможно, это упражнения из учебника русского языка (хрестоматии, учебного пособия), принадлежавшего Зинаиде? Ведь ей всего восемнадцать лет, возраст выпускницы тогдашней гимназии. Разгадки я позаимствовала из интернета:

«Четыре четыреки, две растопырки, седмой вертун» (Корова, собака). «Что выше лесу, краше свету?» (Солнце). «Не бык, а рогат» (Месяц). «Идет свинья из Питера, все рыло у нее истыкано» (Напёрсток). «Тело бело, а душа оловянная (Свеча на подсвечнике). «Еду, еду – следу нету, режу, режу, крови нету» (Лёд). «В Питере рубят, а к нам щепки летят» (Молва, слава). «Летело стадо гусей, попадаетея им навстречу один гусь, и говорит - здравствуйте, сто гусей. Нет, нас не сто гусей, отвечает стадо, если бы нас было еще столько до полстолька да четверть столько, да ты с нами, тогда было бы нас сто. Сколько гусей летело?» (36 гусей). «Сидит кошка на окошке, собой будто кошка, голова и хвост у ней как у кошки, а все-таки не кошка. Что за зверь?» (Кот). «Вокруг вьется, а в руки не дается» (Запах, ветер). «Стоит поп низок, на нем сто ризок, два уха, да одно брюхо» (Самовар). «Из окна в окно золотое веретено» (Луч солнца).

Не на всё нашелся ответ. «Кружо мало, а вскачь надо» (Могу догадаться, что это седло); «Был я в Капернауме, купил там себе разговорицу» (Библейские места, словарь); «Царь не имел, сатана не хотел, а слуга дал». (Некая нравственная притча). Но не даются в руки ответы даже на «детские вопросы», обусловленные иной эпохой: «Сколько цыганят на одной лошади сидят?» - ну никак не догадаться.

Примыкает к началу альбома детская считалка из стихотворения «Господин учитель Жук» (1886-1887 гг.) русского поэта Константина Николаевича Льдова – это самое известное его произведение для детей. Фрагмент записан так:

«А. акула. Б. букашка. В. ворона. Г. глаза. Д. дитя. Е. единица. Ж. жаркое. З. зима. И. игрушка. К. кума. Л. лисица. М. мартышка. Н. наука. О. олень. П. петрушка. Р. ромашка. С. сверчок. Т. таракан. У. улитка. Ф. фиалка. Х. ходули. Ц. цыган.

.....

Конец

.....»

На этом завершается «детская часть» альбома Зины.

Затрагивая тему детства, откуда мы все родом, становится ясно, почему в документе записаны отдельной группой добрые знакомые и друзья родительского гнезда. Это ближний круг, тесное соседство, те, кто с младенчества определяют наш индивидуальный мир. Особенно же в том случае, когда, по видимости, родителей уже не было в живых. Упоминаются супружеские пары, с полным написанием имен-отчеств-фамилий. Хронологически с 1914 года, когда Зинаида насовсем переехала в столицу, и необходимость определяться в жизни стала острее, она записала некоторое количество адресов мужчин. Дворяне, помещики, мещане, проживавшие в Чимишлии, Бендерах, Каушанах, Кишиневе, перечисляются так же, как и вышеупомянутые пары, в начале второй половины альбома. Предшествует этой группе записей такое четверостишье и рефрен:

«Прощай, увидимся, не знаю,
Мы снова в здешней стороне
Но об одном лишь умоляю,
Украдкой вспомни обо мне.
Прости, прощай
Не забывай.

Зина.»

– Заочно обращается она к людям, дорогим ее сердцу.

За эпиграфом следует затейливый экзерсис – симметрично в четыре колонки записанные, аккуратно размещенные на страничке 72 имени, мужских и женских в равных количествах. Все имена даны в уменьшительно-ласкательной форме: Маня, Лиза, Люся, Сеня, Зина, Ганя, Тимоша, Коля, Паша, Даша, Филя, Толя, и т.п. Девушка записывает их, как будто перебирает детские имена: нравятся – не нравятся, как звучат, как смотрятся. Отголоски ли это собственного недавнего детства или моральная подготовка к материнству? Тогда эти этапы в жизни женщины следовали один за другим. А следующая запись очень характерна для юной особы, присматривающейся к представителям сильного пола: перечислены 70 имен молодых людей (инициалы имени и фамилия, реже только фамилия). Такое ощущение, что целые гимназические классы были записаны «на память». Вероятнее всего, это юноши Чимишлии времён ее юности. Находим здесь и адреса студентов, обучающихся в высших учебных заведениях Киева, Варшавы и т.п. «Не забывай!», согласно ее эпиграфу.

Доподлинно неизвестно, где Зинаида получила образование: в гимназии или дома. Видна хорошая базовая основа. Она знала французский язык и через него пыталась учить румынский: “Je aici și afağă”, и пара других румынских фраз записаны с искажением в сторону французского. Зинаида, наверное, не была лучшей в каллиграфии – и почерк у неё был с наклоном влево, и присуща ей была особенность центровать свои записи, но с этим свойством ее индивидуальной оптики связано и общее видение крошечной тетрадной страницы как альбомного

листа для художника – все записи расположены здесь красиво! Мы говорим о чувстве прекрасного, которое, безусловно, было присуще этой юной женщине со скромной судьбой.

«Общие места» девичьего альбома

Есть законы жанра, их надо соблюдать. «Люблю сердечно, храните вечно», «Кто любит более тебя, пусть пишет далее меня» – такого рода клише невозможно не встретить в альбоме юной девушки той поры (да и позже). Отдала им дань и Зинаида, что характерно в начале документа, как бы для «разгонки», чтобы почувствовать, как это делается или, кто знает, просто из хорошего тона, потому что так должно быть в «альбоме». Альбомной форме соответствует, к примеру, такой акrostих, «Отгадайте»:

«Так и быть, скажу не ложно,
Если хочешь знать всего
Без любви жить невозможно
Я люблю узнай кого?
Ты хочешь знать, кого люблю я.
Его не трудно отгадать
Будь внимателен, читая,
Я буквы буду выделять!»

- по первым буквам читается - «тебя - тебя».

Вот классика жанра – просто видишь этот листок, передаваемый из рук в руки:

«На добрую и незабвенную память.
Если помните, храните, а забудете, порвите.
Дарю сердечно, храните вечно.
Кого люблю – того дарю.
Кого сердечно так люблю
Тому на память я дарю».

Думаю, к этой группе сочинений, обязательных для присутствия в альбоме, примыкают образчики жанрово-бытовой поэзии той поры, задающие дерзкое, шумное настроение и при этом очерчивающие проблемы, которые волнуют, а это проблемы матримониальные, семьи, чувств и отношений, свойственные возрасту:

<p>Цыганка. Господа, все сюда, Я все тайны знаю; Всем скажу, ворожу И все разгадаю. Женихам – молодцам Я невест назначу, Стариков, дураков, Сразу одурачу. Я и зла, и мила, Весела, игрива;</p>	<p>Житейския приметы. Если ты сердит отменно Проклиная белый свет Это значит непременно: У тебя, брат, денег нет! Если с молнией во взгляде На людей напал ты вдруг Это значит: выгод ради Обманул тебя твой друг! Если ты слегка напился</p>
---	--

<p>Холодна и страстна, Только не ревнива. Там и сям, по гостям Песни распеваю. Господа, все сюда, Я всю правду знаю.</p>	<p>И слегка повесил нос, Это значит: ты влюбился И к венцу идет вопрос. И когда ты ищешь петлю, Чтоб с собой покончить, брат, Это... эх, сказать ли, нет ли, Это значит: ты женат....</p>
--	---

Но не всегда у Зинаиды было такое шутовское настроение. Лиричные посвящения, за которыми чувствуется характер, гораздо свойственнее ее замкнутой натуре:

«В альбом тебе пишу я, но
вперед предупреждаю что
имени не подпишу
Зачем? Оно тебе известно,
другим не интересно знать
кто этот беленький листочек
стихами вздумал исписать».

Как отражение эпохи, увиденные нами образцы альбомных стереотипов любопытны и поучительны.

«Есть целый мир в душе твоей»: большая литература на этих страницах

Вернемся к началу альбома. Вслед за «детскими» загадками и прочим нам открывается настоящий источник вдохновения для культурного человека той поры, а именно: списки книг для чтения. Первый перечень озаглавлен: «Из «Родины»». Русский исторический иллюстрированный журнал для семейного чтения «Родина» издавался в Санкт-Петербурге в период 1879 – 1917 гг. ежемесячно, а начиная с 1883 года, он снабжался регулярно выходящими приложениями. После «Нивы» это был самый распространенный из иллюстрированных журналов Российской империи. И вот, на первых страницах своего альбома Зинаида записывает в столбик 67 названий произведений русских и зарубежных авторов, которые, видимо, ей интересно было бы прочесть. Рядом с каждым названием она указывает жанр: роман, повесть, рассказ. Чуть далее в альбоме есть еще одна такая же обширная выписка под названием «Из приложения к «Родине»», включившая 87 названий, рекомендованных другом из Чимишлии, о чём мы узнаем из подписи: «Чимишлия от /вымарано/ 1914 г. июня». И, наконец, рядом, буквально на соседней странице, под датой 22 сентября 1914 года находим выписку из «Литературного приложения к «Ниве»», где перечислены 34 образца прозы. Всего 188 произведений – было, что почитать по рекомендации друзей и по собственному выбору! Да, возможно, все эти «Насмешки судьбы», «Личное счастье», «Совесьть», «Жертва зависти», «Тьма», «Букетик фиалок», «Милый студент», «Тайна» и «Дочь боевого генерала» представляют собой легкое, душещипательное чтение, но при этом среди них много названий, полных настоящего драматизма, так как создавались они под влиянием доминирующих в литературе того времени натурализма и модерна.

Массовая литература – это манок и топка для чувств сердечных, любопытства, страхов, ожидание приключений и счастливых развязок. Однако из нее, при желании, можно почерпнуть немало сведений о книжной тематике, предпочтительной с точки зрения обычных людей того времени: сюжеты из отечественной и мировой истории, картины нравов века нынешнего и минувшего. Не забуду и я, как в таком же подростковом возрасте читала в журнале «Вестник Европы» за 1890 г. (сохранившемся у нас дома) подобный легкий «авантюрный» роман «Сто лет тому назад» Огюста Филона и как сильно впечатлило меня это чтение, погружая и затягивая «с головой» в давнюю эпоху во всей ее неповторимости.

Справедливости ради надо отметить, что Зинаида критически относилась к своему списку – что-то вычеркивала, что-то подчеркивала. В списках «прабабушкиного» альбома широко представлены и классические произведения великих отечественных писателей, ее старших современников: «Униженные и оскорбленные» Ф. Достоевского, «Обломов» Гончарова, «Ася» Тургенева, «Камо грядеши» Сенкевича, «Олеся» Куприна, повести Льва Толстого и мн. др.

И все же по факту ничего не могу сказать о прабабушке как читателе прозы. Списки есть списки, но сколько из них она освоила? Зато как почитательница поэтического жанра, Зинаида Матюрникова на страницах своего альбома раскрывается полностью. Она и знала поэзию, и понимала, и многие стихи бежали у нее по жилам как кровь, поэтому достаточно было крошечных фрагментов «для себя», чтобы передать мысль, настроение, эмоцию. Преобладают стихотворения, записанные целиком, важнейшие из них Зина выделила нажимом пера.

Обширная поэтическая подборка на этих страницах начинается со стихотворения Дмитрия Ратгауза, увидевшего свет незадолго до описываемого периода (напечатано без названия в газете «Биржевые ведомости» от 11 апреля (29 марта) 1909 года). Стихотворение поэта-современника служит своеобразным камертоном настроения молодой, любящей, прекрасной девушки, которая озаглавливает его по своему вкусу – «В альбом» – и прихотливо делит длинную строку на короткие, звучные ритмические фрагменты:

«Словно в вешнем лесу зазвучала свирель,
Словно солнце опять мне сверкнуло, любя,
Только цель у меня,
Светозарная цель, -
Оттого, что я встретил тебя.
Нет предела теперь мощным силам моим.
Если ж сгину, то сгину, врагов загубя.
Оттого, что люблю,
Оттого, что любил,
Оттого, что я встретил тебя».

Хочу обратить внимание на еще одно стихотворение, расположенное очень близко к началу альбома. Я не нашла его в Интернете, и остается гадать, произведение ли это устной или письменной культуры эпохи или авторские стихи:

«Люблю я луг, люблю я лес
Люблю в лесах цветы
Люблю светила я небес
Всего ж милее ты.

Люблю сильнее луны тебя
Ты звезд дороже мне.
Ведь ты ласкаешь, друг, меня.
Лишь светят же оне.

Оне блестят лишь красотой
И тем лишь хороши.
А ты прекрасен, ангел мой,
И прелестью души.

И в жизни сей быть может мы
Два изберем пути.
Везде найду я свет луны.
Тебя же не найти.

Везде найду леса, поля,
Цветы найду всегда.
Тебя ж, голубчик дорогой,
Найду ли где когда?

И потому ты мне милей
Светил, что в небесах,
Милей лесов и красивей
Цветов, что в тех полях».

Это, конечно, гимн любви. И именно «в уездной барышни альбоме» могло появиться такое поэтическое произведение – легкое, искреннее, певучее, как явление весенней природы, молодой жизни и доверчивой души.

Весной 1912 года она заносит на эти страницы «По прочтении Псалма» (1856) А.С. Хомякова, фрагмент из «Молитвы» (1839) М.Ю. Лермонтова («В минуту жизни трудную, Теснится в сердце грусть, Одну молитву чудную Твержу я наизусть»). Эти могучие стихотворения, полные религиозного подъема, веры в Бога, жажды правды и вселенской справедливости, умиротворяющей силы, отвечают чувствам глубоко верующего человека, каким она, по всей видимости, и была. Недаром на первой странице ее альбома указан главный январский праздник – Крещение Господне.

Любопытно влияние лютеранских псалмов, которые бессарабцы знали... Записан следующий фрагмент:

«Воет бушует не унимается
Лютая вьюга как зверь
Тяжко страдает из сил выбивается
Люд горемычный теперь.»

Занесено стихотворение, которое отзывалось в душах и сознании жителей нашего края, из лютеранского наследия:

ЖАЖДА ЖИЗНИ

Хочу я полной жизнью жить,
Хочу мечтать, хочу молиться,
Хочу я счастьем насладиться,
Хочу и верить, и любить!
Какая сладостная ширь
В душе моей – какой простор
И весь громадный Божий мир
Обнять стремится жадный взор....
Весь мир хочу я полюбить,

Со всеми чувством поделиться,
Людей заставить зло забыть
И меж собою подружиться...
И вся душа моя полна, -
Полна восторга неземного!..
Всего высокого, святого:
В ней расцвела теперь весна!

18/V 1912 З.М.

Зинаида занесла «псалом» в свой альбом одним из первых.
Солидаризируясь с его лирическим месседжем, поставила свои инициалы и точную дату.

Стихотворение «Silentium» («Молчание!», 1829) Ф. И. Тютчева интересно неким программным соответствием душевному настрою Зинаиды, привыкшей сдерживать эмоции и жить в своем внутреннем мире. Рядом проставлены ее имя, дата и место (Зина, 1912 год, Чимишлия):

Молчи, скрывайся и таи
И чувства, и мечты свои!
Пускай в душевной глубине
И всходят, и зайдут оне,
Как звезды ясные в ночи:
Любуйся ими и молчи!

Как сердцу высказать себя?
Другому как понять тебя?
Поймет ли он, чем ты живешь.
Мысль изреченная есть ложь.
Взрывая, возмутишь ключи:
Питайся ими и молчи!
Лишь жить в самом себе умей:
Есть целый мир в душе твоей
Таинственно-волшебных дум;
Их приглушит наружный шум,
Дневные ослепят лучи,
Внимай их пенью и молчи!

Хочется отметить и популярные «нарративные» стихотворения русской литературы, которые мы здесь встречаем: «Гадальщица» (1843) Дмитрия Ленского и лирический «Перстенок золотой» (1836) Алексея Кольцова.

Продолжая раскрывать своеобразие нашего источника, далее мы уделим внимание сочинениям самой Зины.

Свои стихи

Зинаида писала стихи, и ее негромкий поэтический голос и интонация узнаваемы. Не скажу с полной уверенностью, что каждое из нижеприведённых – её стихотворение, а не образчик популярной литературы, кочевавший из одного рукописного альбома в другой, но, поскольку нигде на просторах

интернета я не нашла ни упоминания о них, ни их фрагментов, рискну представить эту выборку как авторскую. Первое, «Помнишь ли ты наши юные годы», записано поперек разворота на двух страницах, более крупным шрифтом:

«Помнишь ли ты наши юные годы
Помнишь ли чувство простора свободы
Помнишь широкую светлую даль
К жизни неведомой чудно манившую
Столько любви, столько счастья сулившую.
Как бесконечно мне годы те жаль.
Боже Всесильный! твержу я с тоскою
Где эти годы, где счастье былое,
Чистаго сердца святая любовь.
Где эта вера в людей безответная
Где эти дни, где пора эта светлая
Дай пережить, испытать ее вновь.
Дай мне пролить благодатныя слезы
Дай позабыть мне житейския грозы,
Что истомили, измучили грудь.
Сердцу больному пошли исцеление
Боже Великий! Хотя на мгновение
Дай позабыться мне, дай отдохнуть».

18 сент. 1912 год

(Чимишлия)

Вот зашифровала в первых буквах имена протагонистов – Зина, Илюша и так и назвала:

АКРОСТИХИ

«Знаю я одну красотку
И прекрасна, и умна
Но один в ней недостаток -
Ах, кокетлива она.

И тебе, наверное, приходилось
Лить слезы так как лью их я.
Юность провести мне хотелось
Шагая за тобою жизнь моя.
А я, поверь, навек твоя».
(1912 год).

Три раза, с вариациями, повторяется этот акrostих в альбоме! Находим здесь и подборку, озаглавленную просто – «Стихотворения»:

***

Ты для меня - и жизнь, и Бог!
Я пред тобой, как пред святыней
Стою с поникшей головой.

Ты для меня – огонь святой!
Любуюсь я тобой незримо.
Люблю тебя – неотразимо,
Всем пылким сердцем и душой.

***

«Все впечатленья прежних дней
Глубоко в душу мне запали
И каждый взгляд твоих очей
И каждый миг твоей печали.
Я никому их не отдам
И никогда их не забуду
И долго, долго по ночам
Над ними тихо плакать буду».

***

«Во сне нечаянно мне снился,
И в сердце искру заронил.
Блеснул, как молния

Сам скрылся
Навек спокойствия лишил».

***

«Тихо все - только лист
Над моей головой, шелестя, пролетел,
И упал на скамью
Точно долю хотел
Он оплакать мою.
И опять как змея
Шевельнулась тоска,
Где ж ты, радость моя?
Далека, далека...»

Трагические обстоятельства

Мы чувствуем ее настроение: здесь звучит не только неразделенное чувство, но и меланхолия, сестра туберкулеза. Чахотка – страшная болезнь. Предчувствие смерти, тяжелые мысли – бич чахоточных, даже самых юных, а близость смерти вообще страшная норма и реальность тех лет. Вот одна из ее дневниковых записей, где упоминается смерть близких или знакомых:

«Евфим Колесников умер
25-го августа 12 часов ночи. пятница
1912 года.
Ольга Корнеско умерла 7-го октября
1912 года
1ом часу ночи.
Чимишлия.

Покойся прахом
Детка милая
Да будет
Сладок твой покой
Там за пределами могилы
Мы увидимся с тобой.

О себе, своем самочувствии в этом контексте всего несколько записей дневникового характера 1914-го и 1915-го гг., они как форс мажор врываются в условную безмятежность альбомного жанра. Они глубоко драматичны, особенно две из них, конца 1915-го года. Сообщая о моральной подготовке к смерти, они доносят до нас сведения вполне биографические – видимо, Зину ждала госпитализация или операция, и, на всякий случай, она приводила свои немногочисленные земные дела в порядок...

30 августа года Тяжелый крест сколько страданий Когда уже это все кончится. Боже укрепи и помоги. Прости прощай и на могиле побывай Не печалься Не грусти Много жизни впереди. 2 года прошло, С [дня разлуки]	Кишинев 1914	Если б силы вернулись снова Если б снова возможно любить. Все прошло безвозвратно. Октябрь, Эх-эх доля ты моя.
--	-----------------	---

II

7-го декабря 1915 года 11 час. дня. Вчера сидела целый день одна, читала, плакала много. И только за целый день. Вечером пошла за молоком, но было заперто, зашла в в кондитерскую – потом походила, поскучала возле лавки на скамье и ушла домой. ~~Сидели~~ играли в флирт, На граммофоне разбитую жизнь. Ушел Коля легла спать не спала до часу ночи. Сегодня иду в лечебницу. Вечером была Маша Козечко говорили о Рождестве, куда она пойдет, что делать будет.	А я Боже! Что меня ждет. 8го дек. Была у Таси вечером. Обещала быть у меня с Семен. завтра. 10 декабря. Приготовляю себе все к своему великому дню. Прочла все свои письма отложила которья сжечь. Приготовила платье, веночек на голову. Собираюсь в путь далекий. Пойду сегодня с Тасик в иллюзион в последний раз. Надо со всем и всеми прощаться. Ведь уже не вернусь.
--	---

Конечно, предпринимались попытки выздороветь, записывались народные рецепты, как следующий:

«Разстирание от ревматизма.
Взять крапиву, которая
растет низко в цветах,
и толочь в ступе с
лимонной солью,
наложить в бутылку
и налить 1 фун. бензину.
Оставить чтобы
настоялось и растирать».

Болезнь пресекла ее жизнь очень рано, но всё же это случилось позже, а пока у нее ещё было «много жизни впереди», говоря словами Зины.

Любовь как поэзия

РОМАНС.

«А если возвратится он,
То, что сказать о вас?
«Скажите: ждали здесь его
В последний даже час...»»

«Прощай, увидимся не скоро,
Я снова в дальней стороне
Но только, только, ради Бога
Украдкой вспомни обо мне.

Прости-прощай, не забывай!» –

– снова повторяются в альбоме эти томительные строки. Кто же был этот «он» и каким образом, отсутствуя физически в ее жизни, он присутствовал на страницах альбома?

Мы указали выше, что единственный в альбоме акrostих посвящен некоему Илье, Илюше, фамилию которого не знаем, но, вероятнее всего, он был другом детства Зины и ее первой любовью.

«Кого-то нет, кого-то жаль
К кому-то сердце мчится
В даль.

Посвящается **Илюше**»

– цитируя популярный романс, записывает она уже к самому концу своего альбома.

Что же касается обладателя инициалов В.М., о нем мы поговорим чуть позже. Болезненное расставание с ними обоими и было, по-видимому, побудительным мотивом завести этот альбом. Какие тут прослеживаются вехи?

Как мы увидели, сначала было много надежд. Но последующие записи говорят о более отчаянных чувствах. Например, в приведенном ею романсе Николая Бакалейникова «Пожалей!» Зина выделяет последнюю строчку припева, подчеркивает ее, указывает дату, ставит свои инициалы, таким образом, максимально ассоциируя возникающую эмоцию с собой:

«Ах! Пожалей же меня, дорогая
Освети мою темную жизнь,
Ведь я плачу слезами стенаю,

Но напрасно, ведь счастьем не быть».

3/V 1912 г. (Чимишлия)

З.М.

В процитированной записи от 30 августа 1914 года мы видим констатацию факта:

«2 года прошло, [с дня разлуки]... все прошло безвозвратно. Октябрь. Эх-эх доля ты моя».

4 ноября 1914 года, краткий фрагмент из «Кобзаря» Тараса Шевченко записан следующим образом:

«Тай без тебе пропал я.

На що мини черни брови?

На що карие очи

На що мини краса моя

Коли нема доли!

Эх-эх долюся моя

Де ж ты травой заросла».

Далее, без даты:

«Где бы я ни была
И что бы со мной ни случилось
Я всегда буду помнить
И любить тебя».

«Улетел мой покой
Улетел навсегда.
Не вернуть мне его
Никогда-никогда».

И, наконец, запись начала 1918 года фактически подытоживает длившуюся ш е с т ь лет заочную любовь, мучительное ожидание встречи и развязки томительной истории:

<p>Ты не жди его домой Зачерпни песку рукой Да посеи да поджидай Да слезами поливай И когда посев взойдет В... <u>твой к тебе придет.</u></p>	<p>[Предположительно, на основе вымараной записи] Г. Измаил Свято горской Златоустской церкви Священнику В.М.</p>
<p>Ни даль разстоянья Ни тягость разлуки Не могут меня изменить. С презреньем снесу Я и горе и муки Любила люблю и век <u>Буду любить.</u></p> <p>8 января 1918 года. писем нет, жду дождусь – М.</p>	<p>И если нет то крестовый От роду 23 года – В.М. И если захочу ждать, Не надо верить другим.</p> <p>23 года. В М</p>

Судя по сделанной карандашом записи вверху справа, зачеркнутой, но отчасти прочитываемой, этот горячо любимый В.М. (из-за которого жизненный путь превращается в крестный или же тут подразумевается крестовый поход против обстоятельств жизни?) был православным священником в городе Измаиле. А теперь прочтем цитируемый в левой части верхнего тетрадного разворота фрагмент из казачьей военной песни «Ветер по полю шумит...» Горький фрагмент, свидетельствующий о понимании, что хорошего конца не будет.

Последняя строчка приведенного куплета содержит инициал «В.». По ритмике стиха предполагается двусложное имя, и это, наверное, Витя («Витя твой к тебе придет»). Подтверждением нашей догадки о том, что именно Виктор – герой «ее романа», может послужить запись, которую мы находим на последнем развороте альбома, сделанную самым тщательным образом черными чернилами, посвящение:

«На добрую долгую память.
Вите от Зины М.».

Видимо, Зинаида посвящала ему свой альбом, как хотела и отдать свою жизнь, но не сложилось, не судьба.

Записи дневникового характера обнаруживают глубоко спрятанные и никому не поверяемые чувства. Тогда как окружающими Зинаида Григорьевна Матюрникова воспринималась, возможно, совсем другой – радостной и цветущей юной барышней.

«Ах, кокетлива она»

«Хочу тебе в часы досуги
Я написать десяток строк
Прими советы от подруги
Не верь мужчинам мой дружок

Пускай они тебе клянутся,
Грозят пустить в себя курок
Пускай на части разорвутся
Не верь мужчинам мой дружок.

У них сердца так сильно бьются
Страданья наши им не впрок
Они над нами лишь смеются
Не верь мужчинам мой дружок.

Болтай кокетничай немножко
Кокетство право не порок
Но только-только ради Бога
Не верь мужчинам мой дружок.»

– и это тоже настроение молодой Зины, сквозь призму цитируемого ею «городского романса».

Трагическое событие планетарного масштаба разворачивалось в мире, пока Зина вела свои записи. Первая мировая война 1914 – 1918 годов глубоко повлияла на ход жизни миллионов людей и, безусловно, оставила свой след в жизни Зинаиды. На страничках ее тетрадки можно видеть, как «уходили полки» ... Бессарабия была на перекрестке событий военного времени. Три разворота заполнены адресами вчерашних гражданских лиц, а теперь военнослужащих. Вот повторяющиеся имена: Георгий Иванович Трандаф, Иван Киприянович Корнеско, Виктор Васильевич Новак, Александр Александрович Цоколь. Мы видим, что большинство указанных здесь

молодых людей составляют ближний круг Зинаиды – давние знакомые ее семьи и ее самой. Но были, наверно, и новые знакомства...

Вероятнее всего, это уже вторая половина войны. География адресов приписки впечатляет! Жила в ней и ее конфидентах надежда переписываться и продолжить общение, даже вопреки кризисным обстоятельствам. Приводим эти фрагменты:

<p>М^{ко} Каушаны Кайнарской волости Бендерского уезда имение А.И. Галацана ЕВБ Георгию Ивановичу Трандафу.</p> <p>г. Рига 116ый Малоярославский полк 2 рота</p> <p>Василию Степановичу Миленцу.</p>	<p>М^{ко} Чимишлия Бендерского уезда ЕВБ Ивану Киприяновичу <u>Г-ну Корнеско.</u></p> <p>Г.Кишинев [вымарано]</p> <p>г. Кишинев Кировская ул. дом № 14 Т.И. Козечко.</p>
<p>Г. Москва Эвакуационный № 3 госпиталь Виктору Васильевичу Новаку. х</p> <p>В действующую армию 312 Васильковский полк 4 рота ун-офицеру В.М. Михаловскому.</p> <p>х</p> <p>В действующую армию 242 пехотный Луковский полк 10 рота. Н. Гончаров. 3 взвод.</p> <p>х</p> <p>Действующая армия. 3^й Кавказский корпус 81 Абшеронский полк 10 рота, Полев. конт № 30 Г. И. Трандафу</p>	<p>Действующая армия 63 пех. запасн. батальон 4 рота. Ивану Киприяновичу Корнеско.</p> <p>Г. Гродно. 3ая Слабосильная Команда 10 рота. 3ий взвод Александру Александровичу Цоколь.</p> <p>Г. Одесса Петропавловская ул. дом № 24 Василию Ивановичу Булату.</p> <p>М^{ко} Немцены. Бессараб. губ. Киш. уезд. Село Леушены.</p> <p>Елене Игнатъевне Миля.</p>
<p>[Не ее почерком, синим и черным пером]</p>	<p>Кавказская действующая армия Урмийская военная дорога Канцелярия этапного коменданта</p>

<p>В действ. 30 пех. Полтавский полк 9ая рота 3ий взвод А. А. Цоколь.</p> <p>Действ. армия.</p> <p>229 пех. запасн. батальон 6ая рота. 1 взвод</p> <p>Василию Крушеву.</p>	<p>С. Гердочк Виктору Васильевичу Новаку.</p> <p>Гор. Урмия Село Гердочк, канцелярия Этапного коменданта.</p> <p>Кишинев. Земская больница Емилиану Федоровичу Р.</p>
---	---

В качестве дополнительного примера, иллюстрирующего тот естественный глубокий интерес, который испытывали представители мужского пола к нашей героине, привожу две почтовые открытки, адресованные Зинаиде. Они также сохранились в нашем домашнем архиве. Разница между ними – шесть лет, написаны они в диаметрально противоположных обстоятельствах мира и войны:

I.

Открытое письмо. 23.12.10

Дорогая Зина,
Поздравляю Вас с Новым
1911 годом и желаю Вам
Счастья и благополучия в Ваших делах.
Остаюсь Ваш
Филипп Хохор

г. Кишинев Бессарабской губернии
Предместье Мелестиу,
ЕВБ Зинаиде Григорьевне
М-ле Матюрниковой.

II.

Вскрыто военной цензурой.
г. Петроград Военный цензор № 483

3 марта 1916 года

Дорогая Зиночка,
Шлю тебе Пасхальный привет и
поздравления. Привет всем
знакомым.
Остаюсь жив пока.
Твой Хохор

Россия.
Бессарабская губерния
город Кишинев,
Кировская улица
Дом Склифоса
ЕВБ
Зинаиде Григорьевне
М-е Матюрниковой.

Безусловно, этому человеку, Филиппу Хохору, его адресатка Зинаида была дорога, и он ей был не безразличен, потому что во второй открытке она подчеркнула в тексте адресованные ей обращения – «тебе» и «Твой». Но посмотрим на адрес отправителя второй открытки 1916 года: Kommandantur des Kriegsgefangenenlagers Heilsberg – это лагерь для военнопленных на немецкой территории. Скорая встреча вряд ли была возможна, потому что не было видно конца той войне...

В своеобразной адресной книжке «альбома» Зинаиды встречается и ряд женских имен. Скажем, Т.И. Козечко из Кишинева, указанная здесь и проживавшая на той же Кировской улице, что и Зинаида – это, скорее всего, ее близкая подруга Тася.

Последнее мужское имя, указанное в данном списке, обращает на себя моё особое внимание, потому что это мой прадед, Емельян Федорович Романюк. Сразу после этого адресный ряд обрывается и следует совсем особенный фрагмент.

Напутственная запись

До сих пор мы не говорили подробно о инскрипциях других людей, сделанных в альбом Зинаиды, потому что они крайне малочисленны. Некоторые адреса студентов и военных вписаны ими самими... Стоит также упомянуть два развернутых посвящения от молодых людей, один отмечен инициалом и фамилией, другой только инициалами: лирическое стихотворение («Осень в деревне», подписано «Ник. Николаев») и военная песня («Было дело под Полтавой», от «Н.Н.В.»), с классическим пожеланием «на долгую память». Но как раз к месту будет привести сейчас единственную длинную «чужую» запись, сделанную к концу альбома, по всей видимости, подругой и наперсницей Зинаиды. Вот что красивым почерком с резким наклоном вправо написала та, кто хорошо понимала нашу героиню:

«Неужели суждено оставить жизнь прежде временно и уйти туда где нет ни горя, ни печали! И откуда уже возврата нет.

Но жить так хочется и не иметь счастья в жизни сей, то лучше быть там в царстве мрака.

Или жить, нести свою тяжелую ношу до конца!

Но хочется жить, лета молодые! Жизни не видели, а только борьба, борьба житейская.

Все это не пустая вещь.

Посмотришь, что возникнет, и вообще, что выйдет из этого!

Дорогая моя!

Тебе нужен муж. Это верно, но мужч. такой который бы не видел в тебе дойную корову

Которую можно доить по три раза в день.

Прежде всего тебе нужен муж, как человек, который ко всему тому что ты имеешь, заботился бы, чтобы еще прибавить».

«Совет подруги» (кто бы она ни была, то была добрая подруга!) пришелся как нельзя кстати. Наверняка над ним размышляли. Свой почти гамлетовский вопрос, дилемму «верить – не верить» и вообще, как быть, Зинаида в конце концов разрешила, в том же 1918 году выйдя замуж за ближайшего соседа,

доброго человека, Емельяна Федоровича Романюка, успела родить ему дочь и пожила, пусть недолго, другой жизнью – замужней женщины и матери...

Гитара семиструнная

Всю гамму душевных переживаний, которые, по мнению Зинаиды Матюрниковой, стоило бы записать на бумаге, передавала музыка для голоса: романсы разного рода, народные напевы и, в контексте предвоенного и военного времени, казачьи и солдатские песни. Тут пора раскрыть скобки.

Судя по записям хозяйственного назначения, где числится покупка струн для гитары, а также по обширнейшему списку аккомпанементов для гитары во второй части альбома, моя прабабушка любила петь и играла на этом музыкальном инструменте. Музыка тогда приходила к горожанам главным образом домашними концертами и граммофонными пластинками. Слушали Плевицкую, Дулькевич, Вяльцеву, крутили пластинки с записями хоров: казачьих, цыганских, русских народных. Вот, наверное, благодаря этим исполнителям, их присутствию в культурном пространстве даже небольших городков, какими были тогдашняя Чимишлия, да и губернский Кишинев, и складывался репертуар любимых песен. Плюс домашнее концертное – для себя, для друзей и знакомых, которое значительно расширяло классическую музыкальную палитру за счет популярных в крае полиэтнических напевов.

Альбом З. Г. Матюрниковой предоставляет нам богатый материал по бытованию городского романса и песен разных жанров того времени в обиходе жительниц Бессарабии начала XX века. Пройдемся по альбому и проследим любимый репертуар Зинаиды, гитаристки-любительницы.

Первая среди песен, «Веревочка» (ее с 1908 года исполняла знаменитая певица Надежда Плевицкая), предстает здесь в совершенно измененном виде. Городская культура отшлифовывала и приспособливала под себя популярнейшие шлягеры и, как мы видим, в отличие от варианта Плевицкой, у этой песни счастливый конец!

Далее занесен фрагмент романса на основе казачьей песни «Волна шумит, волна бушует»:

«О! Если в юности мятежной
Изменит счастье и любовь,
Уж никогда к ним верой прежней
Не озарится сердце вновь.
Быть может, счастье пожалеет,
Опять отдаст, что отняло.
И новая любовь повеет,
Но будет все уже не то».

Сразу в продолжение следует часть романса из репертуара Тамары Цертели, автор неизвестен:

«Не уезжай, голубчик мой,
Не покидай поля родных,
Тебя там встретят люди злые
И скажут: ты для нас чужой!»

Не уезжай же, ангел мой.
Девицы там своей красой
Тебя прельстят, но не любят.
Твое все счастье со мной,
Не уезжай же, милый мой!»

Связанные один с другим, эти фрагменты образуют не просто попури, а и выразительное, и эмоциональное лирическое высказывание.

Популярнейшая «Гай-да тройка!» (автор Михаил Штейнберг, из репертуара знаменитой Анастасии Вяльцевой) записана с датой «1912 год, май 12 дня». Приведены все семь куплетов этой песни о молодой любви с грустной моралью («Вновь поедут ли вдвоем?..»).

Затем следует запись знаменитого «цыганского» романса «Пожалей!» (слова и музыка Николая Бакалейникова) из репертуара Надежды Плевицкой (с 1908 г. на грампластинке):

«За чарующий взгляд искрометных очей
Не страшусь и ни мук, ни тяжелых цепей.
За ласкающий звук нежной речи твоей
Я готов на позор под бичи палачей.
Ах! Пожалей же меня, дорогая
Освети мою темную жизнь.
Ведь я плачу, слезуми стеная,
Но напрасно, ведь счастьем не быть».

– этот романс важен для Зины настолько, что она указывает рядом свои инициалы и дату.

Характерный для стиля времени романс «Чайка» («Под впечатлением «Чайки» Чехова», слова Елены Буланиной, муз. Е.Жураковского, 1901 года) из репертуара Надежды Плевицкой содержит такой заключительный фрагмент:

«Девушка чудная чайкой прелестной
Над озером тихим спокойно жила
Но в душу вошел к ней чужой, неизвестный,
Она ему сердце и жизнь отдала.
И чайкой охотник шутя и играя
Он юное сердце навеки разбил.
Навеки разбита вся жизнь молодая.
Нет веры, нет счастья, нет сил!»

Романс «Очаровательные глазки» (слова и музыка И. Кондратова, из репертуара певицы Нины Дулькевич) записан с особым тщанием (уточнением слов внутри текста), приведены все семь куплетов. В наши дни исполняются лишь первые. У Зинаиды в альбоме записан полный вариант, по видимости, самый популярный на тот момент.

Патриотическая песня «Бур и его сыновья» («Под деревом развесистым в раздумье Бур сидел», на основе стихотворения Г. Галиной, музыка М.А. Губченко) напоминает нам не столько о давней и далекой англо-бурской войне, которой была посвящена, а о войнах на отечественных просторах, о Первой империалистической и гражданской... Недаром она была так популярна в первой

половине XX века, особенно в Сибири и на Дальнем Востоке, как «народная». Видим мы ее, записанную в балладном объеме, и в песеннике Зинаиды.

Непосредственно примыкает к ней русская народная песня, настолько же, как и «Бур», программная, повествовательная – «Златые горы». Здесь мы снова прослеживаем самый полный из тех вариантов, что удалось найти в интернете – всего 12 куплетов истории о доверчивой и несчастливой Марии... Далее следует упомянутая выше как запись в альбом от некоего Н.Н.В. военная песня «Было дело под Полтавой» про императора Петра, на основе канта петровской эпохи, созданная еще в 40-50-х годах XIX века автором музыки и стихов Иваном Молчановым.

Среди прочего мы находим в этом разделе альбома список чрезвычайной ценности и информативности – это песни, вальсы, романсы, народные мотивы и просто аккомпанементы для гитары, которые, вероятнее всего, были в репертуаре Зинаиды, с указанием близких ей лиц, от которых она их получила:

<p>[Много пустых листов, несколько вырванных, как вот эта левая страница]</p>	<p>Кого-то нет, кого-то жаль. Вальс – гимназистки. Вальс – сумасшедшего. Вальс Немецкий. Вальс. Над волнами. Болгарский вальс. И шумит, и гудит. Ой за чаем. Вальс --- от Жени Марш. Под двуглавым орлом. Полька Молитва девы. Аккомпанементы: Ямщик – Страдалица – Не глядя в лицо – О не плачь. Ма все через очи – Помнишь ли, милая. Солдат. – Воет и бушует. – Тамара. Сон. <u>Коробушка</u> (от Нади). Чепуха. Козачек. Краковяк. Спор. Аккомпан. Мольбы./ Земля./ Мазурка.</p>
<p>Тихо по дороге. / Отчего твое личико бледно. Вальс – Ожидание. Полька - от Жени. Мчится тройка почтовая, аккомпан. Бадя Маковой. акомпан. Румынская. Аком. О позабудь. У сусида хата была. Аккомпанемент: новая любовь повеет.</p>	<p>[вырван лист]</p>

<p>Вальс. Осенний сон. Вальс / от Маруси. первое / Вальс от Наташи Вальс влюбленных. _____ Польша от Маруси. Акомп. Помню я лунные ночи. Акомп. Не молись за меня. Похоронный марш. Мазурка от Карас Стан. Польша от Нади. Одна без переборки. Орхистерейский казачек. Польша.</p>	
--	--

Представленный материал, думается, будет небезынтересен для историков российской бытовой музыкальной культуры начала XX века.

Немного о будничной жизни

Наверное, мы чуть лучше сможем почувствовать атмосферу будней Зинаиды Матюрниковой, когда обратимся к содержащимся в документе спискам ее покупок. Они не датированы, но, видимо, относятся уже к позднему кишиневскому периоду ее жизни, так как перечисляются:

«Вино, струны для гитары, свечи, колбаса краковская 1 ф., водка, мандарин 5 ш., вакса – мазь».

и сразу на той же странице ниже:

«Струны для гитары, одеколон, каперсы».

Далее видно, как закупалось всё необходимое для пошива платья, а вернее, целого туалета с перчатками и вуалью:

«х Материя - 3 р.30 к., х Ленты - 15, х Нитки - 20, -
Перчатки - х Газ - 1 р., - Вуаль - -, - Кружево - -».

Указываются отдельной записью покупки 2 мер полотна, 2 пар чулок, затем снова батиста, сатина, других тканей. Надпись: «Галантерея, Мануфактура» фиксирует ряд покупок, но названия предметов, кроме «чулок», обозначены только первыми буквами, так что мне не догадаться...

Как мы писали в самом начале, тетрадь после смерти Зинаиды хранилась во второй семье моего прадеда Е.Ф. Романюка, и вот закупки уже той семьи порой документировались здесь. Есть запись, за кого из членов семьи читать в церкви, фиксировались заемы денег в румынских лях (очевидно, в более поздний период).

Кое-что мне известно о жизни Зинаиды, то, что лежит за пределами этого документа... В браке она была счастлива и несчастлива одновременно. Емельян Федорович любил молодую жену. Он привез ей из военной командировки в турецкий Трапезунд (служил по интендантской части в российской армии в самом конце Первой мировой войны) очаровательный кофейный сервиз из тончайшего фарфора. Он по-прежнему хранится у нас. С другой стороны, кажется, за краткое время их семейной жизни случались измены со стороны мужа, о чем свидетельствует сохранившаяся открытка Зине от подружки... Ясно, что это не прибавляло ей сил. Но росла здоровая и красивая дочь. И, по всей

видимости, свою недлинную жизнь Зинаида Матюрникова прожила полно и насыщенно в духовном плане, о чем и свидетельствует рассмотренный нами альбом – документ ее культурных ценностей.

Послесловие

Источники вдохновения Зинаиды Матюрниковой были разнообразны. И несмотря ни на что – утрату первой любви, раннюю потерю родителей, явную нужду, тяжелые экономические и моральные последствия Первой мировой войны и происшедших в Бессарабии перемен, изнуряющую болезнь-чахотку, жажда жизни превозмогала в ней все горькие чувства, и впечатление от альбома остается светлое, хотя и сложное, разумеется. С верой смотрит она на жизнь:

«Ах ты воля, моя воля
Воля золотая ты моя.
Воля сокол поднебесный
Воля светлая заря.

Это предпоследняя запись в альбоме. А вот такими милыми строчками, с надеждой и юмором, она его фактически закрывает:

«Придет, придет, вас полюбит, к тебе придет, о дитя, так должна я вам открыться – я люблю вас не шутя».

Смею думать, что Зинаида Матюрникова интуитивно сделала свой альбом неким цельным произведением, где рассказано главное, переданы лучшие и самые сильные эмоции, точно расставлены акценты. На своих этических ценностях (честь, верность, доверие) Зинаида настаивает. И любит свою скромную записную книжку-альбом.

Его очень интересно читать! Мысли, записанные тут и там, перекрещиваются, рождая новые смыслы. При этом чувствуется душевное здоровье, разумное отношение к себе, природная сдержанность, внутренняя культура, чувство собственного достоинства, желание поведать бумаге всё о себе посредством метафоры и поэтической ассоциации и, иногда, как солнечный лучик, ее молодая лукавая улыбка. Такой теперь запечатлется в моей душе моя прабабушка.

Фотопортрет Зинаиды Григорьевны Матюрниковой, сделан 20 сентября 1910 года.

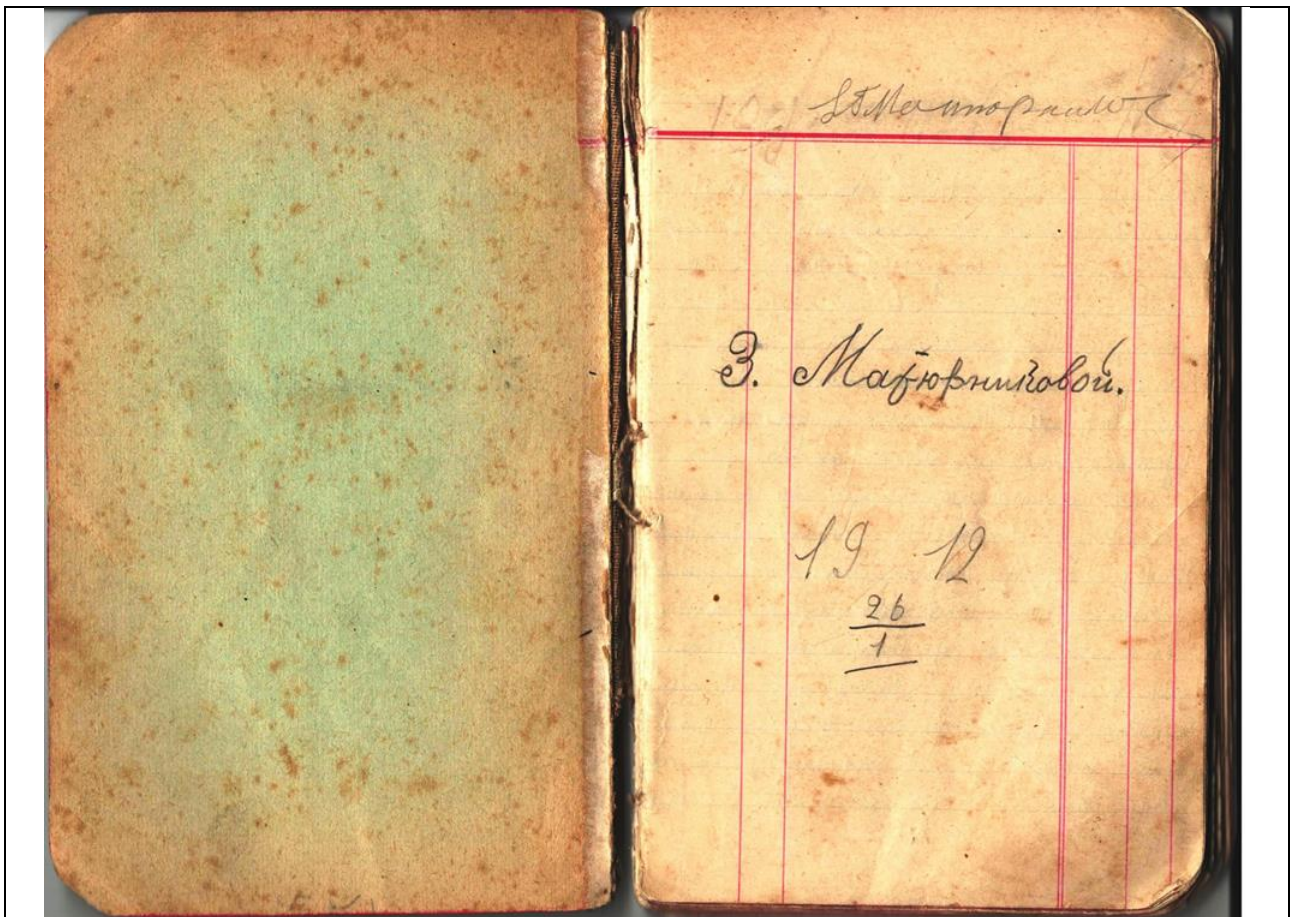
Свадебная фотография Зинаиды Григорьевны и Емельяна Федоровича Романюков, снята 18 мая 1918 года.

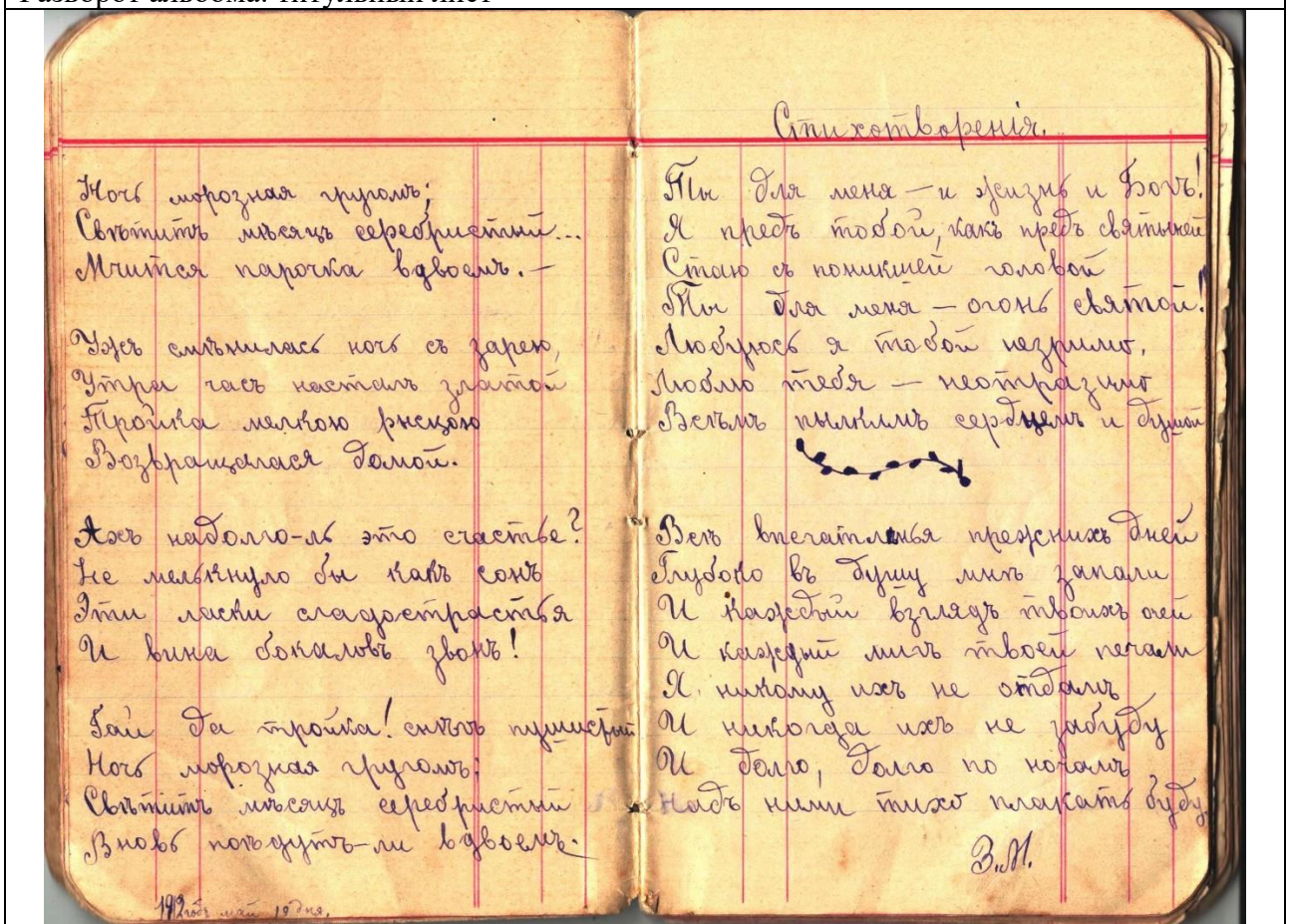

Личный альбом и серьги Зинаиды Матюрниковой (их можно увидеть на ней на предыдущей фотографии)

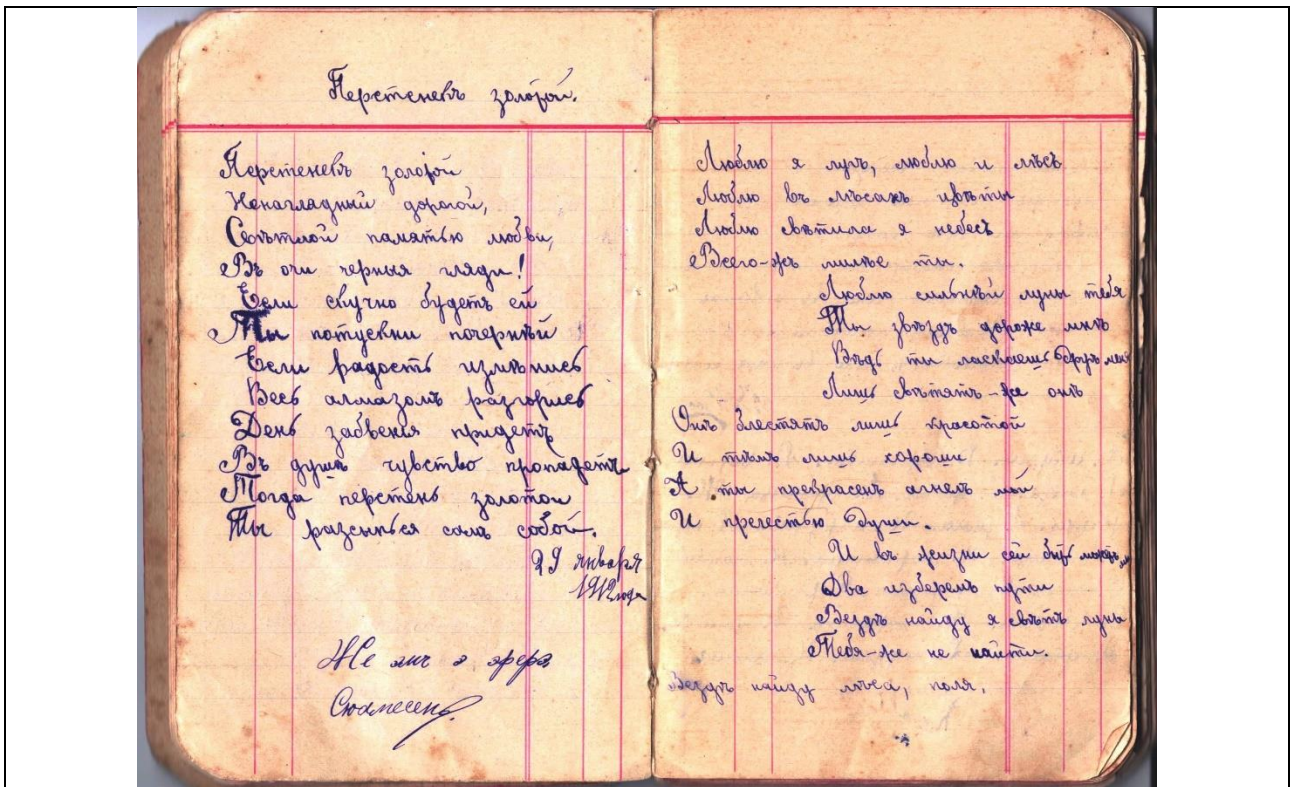

Разворот альбома: титульный лист

Разворот альбома: записи стихов и песен

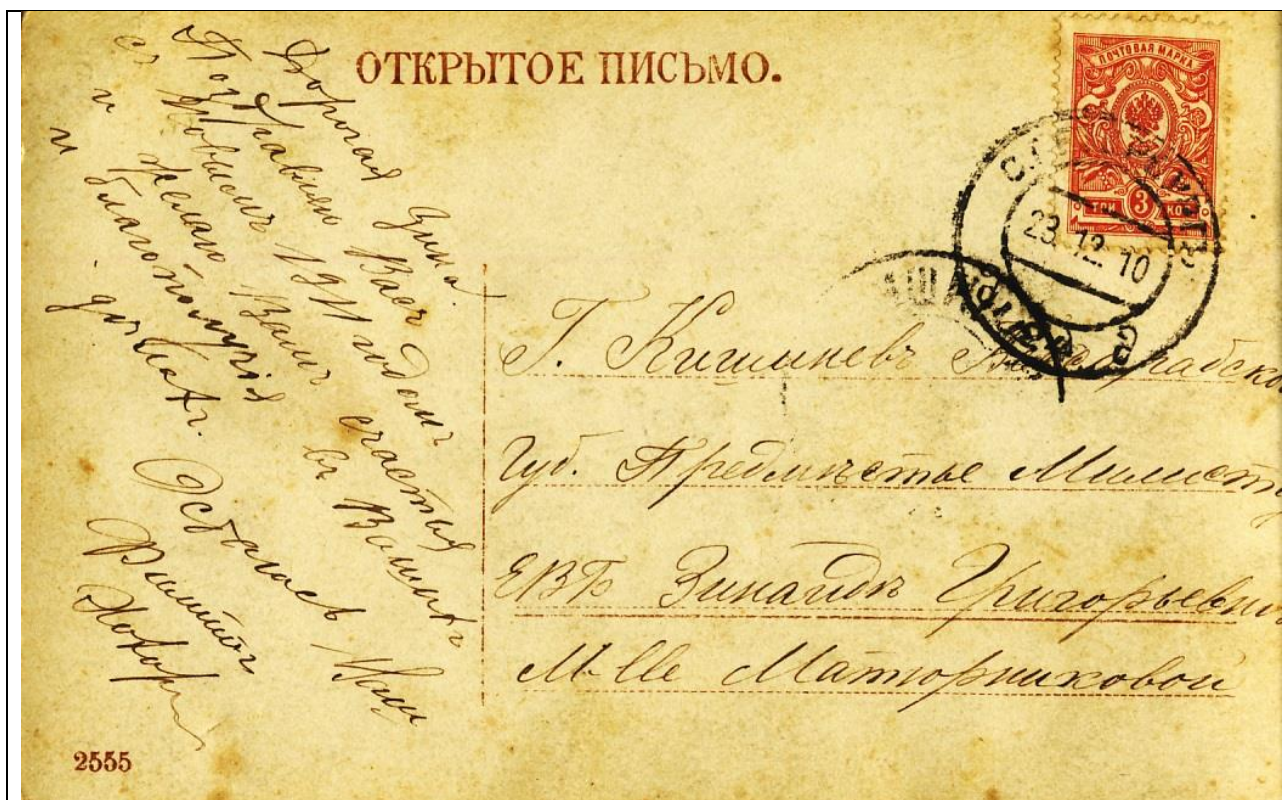

Разворот альбома: записи стихов и песен

Фотография Ольги Романюк (дочери Зинаиды, моей бабушки) в младенчестве, 1919-1920 гг.

Почтовая открытка 1910 года, адресованная ее высокоблагородию Зинаиде Григорьевне Матюрниковой, от ее знакомого Филиппа Хохора

Почтовая открытка 1916 года, адресованная ее высокоблагородию Зинаиде Григорьевне Матюрниковой, от ее знакомого Филиппа Хохора

Надгробная таблица над могилой Зинаиды Григорьевны на Центральном кладбище города Кишинева, в наши дни